

ВАЛЕРИЙ ТУЛОВСКИЙ

**ДОМ 13,
квартира №...**

САТИРИЧЕСКИЙ РОМАН

Валерий Туловский

**Дом 13, квартира №
... Сатирический роман**

«Издательские решения»

Туловский В. В.

Дом 13, квартира №... Сатирический роман / В. В. Туловский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904823-3

Если волею случая судьба подвалит вам счастье побывать в городе Белосовковске, вы не сможете не заметить дом №13 по Большому Совку. Почему демократическая мэрия подобрала бывшему проспекту имени Ленина такое необычное, загадочное и никому до сей поры непонятное название — история умалчивает. Можно много говорить о доме, о жильцах, можно славословить людей, можно хулить. Однако лучше заглянуть в каждую квартиру, а затем решать — кто они, жильцы-соседи, чем занимаются, дышат...

ISBN 978-5-44-904823-3

© Туловский В. В.
© Издательские решения

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
КВАРТИРА №1	8
КВАРТИРА №2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дом 13, квартира №... Сатирический роман

Валерий Витальевич Туловский

Редактор Дмитрий Валерьевич Юртаев

© Валерий Витальевич Туловский, 2018

ISBN 978-5-4490-4823-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТУПЛЕНИЕ

Человек – это звучит вздорно...

Если волею случая судьба подвалит вам счастье побывать в городе Белосовковске, вы не сможете не заметить дом №13 по Большому Совку. Почему демократическая мэрия подбрала бывшему проспекту имени Ленина такое необычное, загадочное и никому до сей поры непонятное название – история умалчивает. Ходят слухи, что приёмный сын троюродного брата внебрачной дочери Владимира Ильича Ленина имел отрока, весьма равнодушного к женщинам и отъявленного плута. Сей отпрыск обесчестил дочь сапожника, молоденькую девушку, ставшую впоследствии бабушкой г-на Карасенко, первого за всю 620-ую историю города демократического мэра. В пятьдесят с хвостиком лет мэра Карасенко позор его стал всенародным достоянием, чего сам большой чиновник вынести не смог, а посему итогом стало переименование проспекта Ленина в малопонятное словосочетание Большой Совок. Не проспект, не улица, не переулок, а просто – Большой Совок.

Свидетели экстренного заседания мэрии, состоявшегося на второй день после выборов Карасенко, поговаривали, что заседание проходило в бурных дебатах, в острой, конструктивной, демократической обстановке, с множеством речей и полезных реплик. Как и в случае выборов на пост мэра, когда был один единственный альтернативный претендент – Талаш Деревенько, директор поныне действующего завода по производству порошка против тараканов – так и в обсуждении вопроса о переименовании проспекта, была создана здоровая конкуренция. В результате «Большой Совок» был утверждён, поскольку «улица лошади Пржевальского» была отклонена. Главными серьёзными доводами оппонентов являлись: во-первых, в морду эту лошадь никто из присутствующих никогда не видел; во-вторых, если её никто не видел, то не исключено, что лошадёнка ничего хорошего из себя не представляла; в-третьих, мог произойти конфуз, если лошадка настолько неприглядная, что ей вообще невозможно будет поставить памятник из средств городской казны. А ведь средства на памятник были уже заложены, но кому ставить монумент – оставался открытым. Четвёртым аргументом спора являлось: с какой буквы, большой или маленькой, писать слово «лошадь», если вдруг неведомое животное всё-таки одержит победу над «Большим Совком». Пару бывших учителей, недавно оказавшиеся народными избранниками, сумели-таки доказать, что улица лошади Пржевальского – это неграмотное решение вопроса. Первое: улица не может быть лошадиной, так как не является собственностью (купленной или приобретённой каким-либо иным способом) самой лошади. Здесь следовали ссылки на документы, что улица действительно не продавалась, по наследству не передавалась, да и строилась не лошадьми. Второе: лошадь Пржевальского – это иностранное животное (про сей факт напомнил учитель истории и бывший партийный работник Козлевич, чем навлёк на несчастную лошадёнку бурю депутатского негодования). Выпив стаканчик «Пепси», он даже предложил вынести вердикт по этому обстоятельству, и отправить копии документов в посольства США и Китая, дабы указать международному сообществу: нечего иностранным империалистам хвастаться, якобы мы перенимаем у них всё, что попало. Пусть капиталисты ведают, что их лошадь никогда не обесчестит своим именем главную улицу любимого города. Впрочем, это предложение не приняли, так как некоторые народные избранники усомнились: какое же из государств является исторической родиной несчастного зверя, не монгольских ли кровей лошадёнка? Третий аргумент против лошадки оказался самым веским: если название улицы или проспекта следует писать с большой буквы, то получается, что какая-то лошадь – невзрачная и паршивая, наверное, на вид – будет ассоциироваться с главным проспектом замечательного города! Разве можно допустить, чтобы слово «лошадь» писалось с большой буквы? Депутат Громогласов был всегда весьма активен

на заседаниях, а посему внёс предложение: назвать проспект Ленина проспектом Пржевальского. После небольшого минутного молчания, в период которого депутаты усиленно припоминали, кто же всё-таки такой сам Пржевальский, предложение было окончательно отклонено. Решили, что лошадь именем хорошего человека не назвали бы, хотя само по себе животное и неплохое, но лягается и может укусить своими жёлтыми зубами. Весомую лепту в поддержку Большого Совка внёс депутат от партии «зелёных» товарищ Одуванчиков. Он подал протест, в котором заявил, что нельзя именем лошади называть самую грязную улицу в городе, ведь лошадь не виновата...

Проголосовали единогласно, и через два дня напряжённой и кропотливой депутатской работы бывший проспект имени Ленина стал называться для всех несколько загадочно и странно – Большой Совок.

Большинство горожан, как всегда, спокойно и безразлично отнеслись к переименованию. Не высказалась и интеллигенция. Не стали возмущаться и удивляться и жильцы дома №13. Как истинные патриоты своего родного города Белосовковска, они с благодарностью и пониманием восприняли инициативу мэра и решение депутатов. Нечто родное и знакомое в названии бывшего проспекта насыщало их сердца гордостью.

* * *

А дом как стоял, так и стоит, ничем не выделяясь среди остальных жилых коробок. В нём люди проводят свободное от работы время, кормятся, иногда плодятся, а иногда умирают. Чёртова цифра дома никак не влияет ни на судьбу дома, ни на его обитателей. Двухэтажный, кирпичный, с когда-то покрашенными в коричневый цвет входными дверями, он разделяется на два подъезда, три квартиры на каждом этаже и, соответственно, на двенадцать квартир вообще.

Можно много говорить о доме, о жильцах, можно славословить людей, можно хулить. Однако лучше заглянуть в каждую квартиру, а затем решать – кто они, жильцы-соседи, чем занимаются, дышат...

Так и сделаем. Всунем свой нос в город Белосовковск, Большой Совок, дом №13, квартира...

КВАРТИРА №1

В первой квартире существовали люди простые, рабочие, как и подавляющее большинство города Белосовковска...

Тот день для Ивана Савраскина начался обыденно: Ваня доплёлся до работы, похмелился, перед обедом «принял на грудь» для аппетита, а по истечении трудового времени, вместе с напарником «разрушил» традиционную бутылочку. Пару «соточек» во время перекуров, опрокинутых наспех и без кусочка сухарика, можно не считать – несерьёзно.

Наверное, явился бы передовик производства и обладатель двух почётных грамот к жене и детям весёлым и бодрым. Однако... как это частенько бывает, по дороге встретил старого друга. Давно не виделись – месяца два, потому решили отметить это знаменательное событие. Не в деньгах счастье, а в их количестве – давняя истина. Количество у товарища оказалось таким существенным, что Савраскин после прогулки по парку, где он долго и душевно беседовал с приятелем, изредка запивая очередной анекдот или сплетню бесцветной горячительной жидкостью, уже ничего не помнил.

Очнулся Иван от непонятного шума. С тяжестью открыл один глаз и удивился: всё вокруг белое, ни одной цветной точки. Ещё большего усилия понадобилось для второго глаза. Вновь белым-бело. Только тогда он сообразил, что чем-то накрыт.

«Где я?» – желал крикнуть Савраскин, однако губы и язык словно слиплись между собой.

Ваня решил вспомнить, что же произошло после работы, но в голове шумело – ни одной мысли. Пробовал пошевелить рукой или ногой – напрасно, что-то их держало. Напрягая глаза из последних сил, посмотрел на руки...

«Батюшки, так они связаны на груди! С чего бы это? – подумал Иван и обомлел от догадки. – Я умер!.. Но почему тогда глаза открылись?»

И тут он вспомнил, что ему кто-то рассказывал: покойник видит и слышит, только разговаривать и двигаться не может. Всё сходилось.

Неожиданно неокрепшие мысли Савраскина оборвались, когда ему послышался глухой неразборчивый бас. Голос становился сильнее и сильнее. Иван отчетливо услышал слова молитвы.

«Не ошибся. Так и есть – „ласты склеил“. Застыла кровушка в жилочках, задубели рученьки и ноженьки, в глазках сплошная пелена. Бедный я Ванечка, на кого покинул жену и деток? А кто теперь даст план заводу? А кто водочку пить будет?.. Вот идёт Бог и сейчас решит: в рай меня отправить, или в ад предпочтёт мне место», – думал Савраскин, пытаюсь вымучить из себя слезу; но не получилось – покойники не плачут.

И вдруг перед глазами это нечто белое задвигалось, зашевелилось и... всё стало предельно ясно: Ваня был накрыт простынёй. Однако происходящее отнюдь не обрадовало, а наоборот – от страха он зажмурил глаза.

«Сомнений не осталось – сдох!» – подвёл итог обладатель двух почётных грамот, видя над собой бородатое лицо священника. – Простынёй накрывают мёртвых людей, причём, накрывают с головой. А батюшку позвали, чтобы меня отпевать».

Почувствовав, что на лоб нечто капает, Савраскин слегка приоткрыл один глаз. Батюшка по-прежнему стоял над ним с большой кистью в руке и, не прекращая читать молитвы, кропил Ивана водой. Немного поодаль располагались жена и оба сына с зажжёнными свечами в руках.

«А у жены лицо печальное, – заметил Иван. – Страдает, наверное, что без кормильца осталась; а сама раньше ни разу мне даже стопочки не поднесла, не сказала: выпей, мол, Ванюша сердешный, легче станет. Теперь на поминках за мой счёт пить будет... И сыночки хороши: папа такой, папа сякой, а сейчас стоят, опустивши головки, жалеют папку».

Окончив молиться, священнослужитель вышел из комнаты. За ним один за другим скорбно проследовали жена с детьми. Савраскин услышал, как стукнула входная дверь.

«Теперь начнутся самые трогательные и жуткие сцены: войдёт супруга, возле моего изголовья начнёт рыдать, причитать, рвать на себе волосы. Наконец-то я услышу от неё самое лучшее, справедливое, то, чего раньше и под пытками не сказала бы, узнаю, что она думает обо мне».

... Действительно, она вошла достаточно скоро, в её руках была швабра, а глаза блестели от слёз.

«Уже принялась оплакивать; а вот зачем ей швабра, если за покойником моют пол только тогда, когда выносят тело в последний путь?» – подумал Ваня.

– Ну что, родной? Руки я тебе связала, ноги связала, самого простыней накрыла; а ты вздумал храпеть?! – заверещала жена.

«Надо же – „родной“. Даже приятно. Однако что-то слишком строго говорит. И при чём здесь „храпеть“? Покойники, я думаю, не храпят...» – отметил Савраскин.

– Что, молчишь, тварь безмозглая, зенки вылупив? – продолжала жена. – Я так старалась, чтобы батюшка не увидел тебя, когда придёт квартиру освещать, а ты... храпеть! Выдал себя, змеиное отродье! Получай!

Швабра прошлась прямо по лбу. Глаза Ивана зажмурились по инерции. На передовика производства и обладателя двух почётных грамот сие приспособление для уборки квартиры продолжало прикладываться не раз и не два... и не только по лбу.

Но Ивану Савраскину было на душе радостно: «Главное, что я – живой!..»

* * *

На следующий день Иван начал работу в обычном режиме. Дабы избавиться от физических страданий, которыми жена одарила его в процессе экзекуции шваброй, он надеялся традиции похмелки не изменять; правда, ввиду отсутствия денежных средств, алкогольную программу вынужден был свёрнуть. Но работалось, как ни странно, легко, бесперебойно, чем заслужил два одобрительных кивка бригадира, по обычаю, зорко следившим за сварщиками вверенной ему бригады.

Вечером Иван пришёл с работы сильно усталым.

Супруга находилась на службе во вторую смену, поэтому вместо традиционной жареной колбаски с омлетом, оставила продукты в сыром виде в холодильнике. Изнурённый тяжёлым рабочим днём, а также от принятия литрочки самодельной водки, которой нежданно его потчевал сосед из десятой квартиры Виктор Белуга, предлагая отпраздновать что-то политическое, Савраскин вынес решение не утруждать себя приготовлением ужина и тут же поглотил пахучий кусок «Одесской» колбасы местного мясокомбината, выпил сырое яйцо и высосал пакет «Докторского» молока. Всё это он вобрал стремительно, не прибегнув к помощи газовой плиты.

После немудрёной трапезы, даже не просматривая новостей по телевизору, наш герой лёг спать...

Но вскоре сон был прерван и омрачён. Причиной беспокойства послужило необыкновенное оживление в желудке. Проснувшись, Ваня ощутил, что активность чрева вскоре достигнет своего апогея. Живот пучило, там что-то бурлило, жужжало, хрипело – просилось наружу. Не мудрствуя лукаво и не дожидаясь последних аккордов бунта, Иван вскочил с кровати и пробежал дистанцию до туалета, как профессиональный легкоатлет-спринтер. Надо отметить, что был он человеком сообразительным, поэтому во время забега успел схватить вчерашнюю корреспонденцию, покоившуюся на телефоне.

«Наверное, несвежей водкой угостил сосед, злодей самогонный», – на ходу смекнул Савраскин.

Через пять минут натужной работы и звуков канонады, которые издавал бодрствующий желудок, произошло облегченное затишье. Понимая, что путь к кровати является бессмысленным, и что ночь ожидается весёлая, насыщенная адским запахом и кропотливым трудом, Иван решил слегка отвлечься и посвятить себя чтению прессы.

Так время и шло, чередуя всплески агрессивности отравленного организма и усиленные потуги к самообразованию. Сигареты тушились одна за другой; газеты пролистывались по порядку; утро, уже казавшееся основательно пустым, со строгой периодичностью давало о себе знать; а туалетная бумага улетучивалась километрами.

Короче говоря, унитаз едва успевал поглощать воду, а Иван мыть руки и литрами потреблять очистительную кипячёную жидкость, что, впрочем, ему вскоре основательно надоело. Дабы поминутно не крутить барашки крана, он пришёл к выводу, что надобно оставить их открытыми. Читать под шумок струи воды, а также под звуки военных действий в животе, не очень-то приятно, про себя отметил Иван, но иного выхода не было.

Когда наш герой прочёл последние новости, дошедшие с полей доблестной Родины, а также вести из лесов государства Бумбукия, проникся последними достижениями учёных в клонировании глистов, не пропустил статью о разгадке тайны сарая деревни Лепёхи, где карликовая курица снесла яйцо в пять килограммов; когда чрево Ивана обстоятельно опустошилось, хотя ещё издавало позывные жизни, всё реже травмируя Ванюшу физически и морально; когда труды журналистов перестали, наконец, интересовать – вот тогда глаза мужчины заприметили кроссворд.

Бросив просветительскую деятельность, Иван взялся проверять свои глубокие познания в разных областях науки и техники, медицине, географии и прочей ерунде.

Однако первый же вопрос по горизонтали поверг его в некоторое смятение.

Вопрос гласил: «Расстройство желудка». Странно было восседать Ивану на унитазе, мучаясь в поисках ответа на вопрос, суть которого не давала ему покоя столь длительное время. Он пытался вспомнить и рекламу о чудо-таблетках, надеялся на слух воссоздать ответ, громким голосом безуспешно переставляя буквы «д» и «р» в разных словах, но все манипуляции с буквами оказались тщетны, а из реклам он вспомнил лишь наименование таблетки, после приёма которой мужчина являлся перед телезрителями с глазами, какие бывают у чрезвычайно удивлённых и озабоченных людей, а также сияющее восторгом лицо женщины, хвастающейся своим крепким стулом. Всё... В дальнейшем – пробел в памяти.

Впрочем, ощущая в животе объявленное перемирие и сотворив негромкий прощальный гудок, Иван встал с облегчением, надеясь доспать до утра без надоевших походов. Грустно затихал унитаз, некогда покрасневший от усердия... уже перекрыта вода в кране...

Вдруг Ваня увидал на полу маленький лист бумаги.

– Странно, откуда это? – спросил он себя; но, будучи неприятелем мусора и любителем порядка в квартире, поднял бумажку.

Это оказалась квитанция на оплату воды. Прочитав её, Ванюша улыбнулся.

– Двести шестьдесят литров на человека в сутки. Такая же норма и на канализацию, – изрёк он, почёсывая недавний объект его страданий. – Хоть один раз в жизни, сегодня, наверное, я превысил норму. Теперь не обидно будет заплатить. Не напрасно мучился!

Придя к такому утешительному выводу, Савраскин медленно, от неизведанных доселе ощущений, широко расставляя ноги, удовлетворённо и свободно поковылял к кровати, при этом глупо бурча:

– Всё-таки водка несвежая была...

* * *

...Для Ивана Савраскина настали тяжёлые дни – он был голоден: жена уехала с сыновьями на юг отдыхать, а с любовницей Томой он расстался полгода назад. Попыточку к примирению с Томой он, конечно, предпринял – по телефону; но «свято место пусто не бывает»:

когда услышал в трубке громовое, пьяное и отнюдь не женское «слушаю», у Ивана затряслись коленки и одновременно подспела мысль, что судьбу лишний раз искушать нет надобности.

Однако сегодня голод, а также желание крепко взбодриться, напомнили Ивану, что у него есть двоюродный брат, пенсионер-одиночка Анатолий Марксишко, который не только фамилией, но и внешне, очень походил на одного из основоположников идеи коммунизма. Правда, кличку он имел не пролетарскую, но, пожалуй, научную – Звездочёт; а причиной этому послужила страстная любовь разглядывать всё сквозь лупу, привязанную на верёвочке и неизменно украшающую его впалую, немощную грудь. Анатолий внимательно изучал даже первую рюмку самогона (не много ли там мусора и сивушных масел?); а в период бурной трудовой деятельности, будучи хорошим сантехником (по его же признанию), всегда обстоятельно исследовал при помощи лупы и новую прокладку, и каждый винтик, и... в общем, всё исследовал.

Вот к Марксишко и направился Савраскин.

Идти пришлось долго, на окраину города, что давалось Ивану с трудом по причине особого его телосложения: маленький рост, огромный живот и короткие ноги со стопами тридцать шестого размера вовсе не несли, а тащили грузную комплекцию к возможной кормушке.

К вящей радости Савраскина, брат оказался дома. Открыв калитку и, неловко пнув тощую курицу, прошмыгнувшую перед ним, Иван закричал:

– Звездочёт, принимай гостей!

Скрипнула дверь, и Савраскин увидел показавшуюся, не первой свежести, помятую физиономию Анатолия.

– А-а, это ты, – прохрипел Марксишко. – Заходи, коль ко мне намылился.

Савраскин вошёл в дом. Оглядевшись, Иван отметил в уме: «Наверное, зря топтал сюда». Действительно, то, что Анатолий называл кухней, походило скорее на склад приёма битой стеклотары и свинарник одновременно; при этом воздух явно был насыщен духом помойной ямы.

– Как дела, брат? – с грустью спросил Савраскин. – Как здоровье?

– Вчера было лучше, – из себя выдавил Марксишко и, поглядывая с мольбою на Ивана, спросил: – Имеешь что?

– Нет, – развёл руками Савраскин, понимая, о чём спрашивает Анатолий. – Сам рад бы, за тем, собственно, и заглянул.

– Эх-х, – вымучил специалист по санузам. – Вчера надо было приходиться.

– И поесть даже нечего? Моя ненаглядная, понимаешь, уехала на юг жирок плавить, а мне харчей не оставила, – с досадой сказал Иван.

– И денег нет?

– Какое там! Видишь, пешком пришёл. Деньги были, но я их... бабах, – вздохнул Савраскин. – Как говорится, деньги в мешках, а мешки под глазами.

– Вообще-то не скажешь про тебя, что бедствуешь. Вот какой мамон откормил, сала на десять пальцев. – Марксишко, кисло улыбнувшись, по-приятельски хлопнул Ивана по животу. – Да ты не обижайся, Мамон Бабыхович, сейчас что-нибудь скумекаем, пошевелим мозгами.

А Савраскин и не думал обижаться на брата. Они присели на стулья, оставшиеся в наследство Марксишко от самого прадеда, и начали обсуждать план действий.

– Будем говорить так, – взял слово Анатолий. – Ты хочешь поесть, и я не отказался бы под это дело... – Он щёлкнул себя не то по кадыку, не то по мятой бороде. – Значит, нужно добывать нам и первое, и второе.

– Не против, хорошо бы.

– У меня гениальная идея: нужно что-нибудь продать.

– Да, но похоже, у тебя ничего нет на продажу, – возразил Иван.

– Весьма ты зорек. А у тебя?

– У меня тоже... бабых. – Иван показал кукиш куда-то в потолок, прибавив к жесту своё излюбленное словечко «бабых», которым он выражал всё: и злобу, и удивление, и любовь – и которое вначале никто не понимал, так как ни в одном словаре оно не упоминалось.

– Значит, будем говорить так: дело дрянь, – подвёл итог Анатолий.

– В самую точку сказано, – вздохнул Иван.

Минут десять длилось молчание.

– Ещё одна гениальная идея посетила мою несгибаемую голову: следует продать кого-нибудь, – вновь захрипел умный Марксишко.

– Но кого? – удивлённо и подозрительно Иван поглядел на брата и почесал свои задние нижние «булки».

– Будем говорить так: гуся... или курицу... или утку.

– Может быть, ту курицу, которая бегаёт по двору в поисках зёрнышка? Мы её... бабых? – Иван пошевелил своими шпионскими рыженькими усиками и соорудил недвусмысленный жест возле горла.

– Что ты?! Это моя курица. Мне с нею ещё жить и жить. Кормилицу мою нельзя резать. Друга, можно сказать...

– Тогда где же нам раздобыть курицу или гуся?

– Будем говорить так: украдём, где их много. Иди за мной...

Не теряя времени, братья по несчастью вышли из дома.

– Туда, – уверенным жестом Анатолий указал в сторону видневшегося леса.

– Но там уже не город, – удивился Савраскин.

– А нам вовсе не город нужен. В нём гуси и утки разве что в магазинах лежат, – пояснил Марксишко.

– Гениально! – восторгался Иван способности унитазного мастера мыслить логически.

И пошли братишки, и пошли... Впереди Марксишко, сутулый, высокий, постоянно шаркающий своими грязными ботинками без шнурков и потому со стороны похожий на лыжника; а за ним, едва поспевая, почти катился пузырястый Савраскин, пыхтя и поминутно теребя забавные усики.

Вот остался позади последний, хотя и деревянный, но городской дом. Вскоре братья свернули с асфальтовой дороги на лужок.

– Что-то свежим навозцем потягивает, – сморщился Иван.

– Значит, скоро будет речка – и мы у цели. Нужно идти на запах.

Наконец, цель! Речка показалась Савраскину небольшой, с редкой по цвету и запаху водой и обильной пеной; а вдали этого чуда природы густо росли кустарники и высокая трава.

– Мы будем рыбу ловить? – удивился Савраскин.

– Нет, здесь плавают всё, кроме рыбы. Местные жители даже последнюю пиявку не припомнят.

– Но и водоплавающих я не вижу.

– А в реке мы их не встретим – да это нам и на руку. Но вот возле неё мы обязаны увидеть хотя бы щуплого гуся.

Однако ни гусь, ни утка, ни тем паче курица братьям не повстречалась.

– Без пользы пришли, – сетовал Савраскин.

– Стой! Смотри! Ко-ро-ва! – радостно захрипел Марксишко.

Действительно, на лугу паслась пеструха. К ней друзья и направились.

– Ах, ты наша ненаглядная, наша желанная, – припевал Анатолий, поглаживая подозрительно глядевшую на него корову.

– Сомневаюсь я, что именно её мы искали, – пробурчал Иван.

– А какой толк с гуся? Вес утки или гуся равен двум бутылкам и двум консервам килек в томатном соусе. А здесь, посмотри Иван, сколько водки и вина, сколько колбасы хорошей...

и на шнурки хватит; а заднюю одну ножку можно самим оставить. Представляешь, сколько времени жировать будем?! Я вскоре откормлюсь и стану таким, как ты – гладким и толстым.

– А тебе не кажется, что нам её не занести домой? – усомнился Савраскин. – Не думаешь ли ты совершать преступление среди чистого поля?

– Глупости! Во-первых, поле не совсем чистое. Во-вторых, мы экспроприруем животное, а это не является преступлением. В – третьих... своё всегда лёгким бывает. – Звездочёт взял лупу и начал осмотр будущей жертвы. – Ты, Ваня, посмотри, какая она чистая, ухоженная. Уши, нос, зубы... хвост – всё чистое. Никаких явных признаков заболеваний я не обнаружил... ни со стороны педиатрии, ни со стороны хирургии, ни со стороны гинекологии. А вымя-то!!! Ух-х!

Прошло некоторое время, Марксишко разглядывал шерсть коровы.

– А чем бить её будем? – бросая косой взгляд на рога, молвил Иван.

– За что её бить? Я придумал: она сама пойдёт за нами. Посмотри, с какой любовью она смотрит на тебя.

Иван недоверчиво поглядел корове в глаза, но ни малейшего намёка на доброжелательность в них не прочёл.

– Наверное, корове ты больше приглянулся, а не я. Значит, поведёшь ты. Впрочем, шевелись, час идёт, – оглядываясь по сторонам, беспокоился Савраскин.

Последние слова подействовали на Марксишко.

– Да, медлительность может нас загубить, – согласился он. – Будем брать корову за рога.

Большого ума товарищам не потребовалось, чтобы снять брючный ремешок с джинсов Анатолия, сделать подобие петли и увести корову за собой.

Через огороды к дому доставили животное в целости и сохранности, и заперли в пустующем уже несколько десятков лет хлеве. Однако Анатолий вдруг помрачнел.

– Ты, Ваня, корову когда-нибудь убивал? – поинтересовался Марксишко.

– Не-ет, – пожал плечами Савраскин.

– А разделять тушу сможешь?

– Не-а.

– А на что тогда ты способен?

– Кушать, – скромно ответил Савраскин.

Марксишко оказался озадачен. Представился очередной повод почесать своё седалище. В планы Анатолия никак не входило абсолютное неумение брата.

– Дело в том, что и я только жрать горазд... Что-то нужно придумать.

– А чего думать-то? Бабых ножом по горлу – и на стол пеструшку.

– Легко сказать. – Пальцы Марксишко перебрались теперь от задницы до затылка и потеребили там. – Будем говорить так: твой совет нам не подходит. Мы будем коровушку глушить, а затем резать. Я – крепкий малый, справлюсь. Сейчас только ножи заточим.

– А нельзя ли вначале хотя бы усыпить её... или отравить? – дал дельный совет Ванюша.

– Изверг!!! Отравить!!! Нельзя над животным измываться! И как потом нам отравленное потреблять? За ножи, Иван, за ножи. Ты заточишь их.

Савраскин, обрадованный, что ему досталась лёгкая обязанность, без лишних разговоров принялся за исполнение приказа. Марксишко, с серьёзным лицом и поминутно спадавшими джинсами, взялся усердно махать руками.

– Что ты делаешь, Толя?

– Мышцы разогреваю, чтобы силушки прибавилось, чтобы корову одним махом...

Не успел Звездочёт сделать ещё пару гимнастических упражнений, дабы привести в надлежащую форму свою мощь, как послышался стук в калитку.

– Батюшки, кого-то нечистая привела, – испугался Савраскин.

– Действительно. Я обычно гостей встречаю, когда у меня деньги имеются... или самогон, – удивился Анатолий.

– Может быть, кто-то увидел, как мы привели корову, а потом сообщил хозяевам... или – того хуже! – позвонили в милицию, – заплакал Иван.

– Не тормози, Мамон, я с тобою...

– Да нет уж, Звездочёт, это я с тобою... а лучше бы без тебя.

– Молчи, пузырище, будь хитрым. Может быть, стучат не из милиции и не коровины хозяева. Будем встречать, – мужественно произнёс Марксишко и, схватив со стола нож, с размаху вогнал его в пол. – Вдвоём мы – сила.

– Толечка, а не нужно ли мне спрятаться? На всякий случай. Групповухой ведь несёт, – дрожа всем телом, наставлял Савраскин.

– Что год сидеть, что два – безразлично, за корову много не дадут. Я убежать не стану.

– Тебе бежать некуда, ты дома, – заметил Иван. – А я и год сидеть не хочу... поэтому собираюсь прятаться.

– Кры-са! – завопил Звездочёт и гордо поднял голову. – Горе мне, стыдно мне за своего брата, за этого тщедушного человечка. Иди, холоп! – взревел Анатолий, поглядел убийственным взглядом на Савраскина, но безрезультатно, а затем широким жестом, словно царь, указал на шкаф. – Там тебе место в час великих потрясений и испытаний.

– Спасибо, Толенька, я мигом. На сегодня лимит мой на подвиги исчерпан, – трусливо заиграла челюсть Ивана.

Пыхтя во все дыры и обливаясь потом-то ли от усердия, то ли от страха – Савраскин протиснулся в узкую дверь шкафа и затаился...

В воздухе неприятно засмердело...

– Вот я и один! Но каков!.. – бросил реплику Марксишко и пошёл открывать калитку.

Вскоре настороженные уши Савраскина уловили беседу Анатолия с его соседкой Дуняшей. Несмотря на обращение знакомых к ней таким ласковым именем, Дуняша было лет эдак... в общем, революцию она немного не застала; лаконичнее говоря, была в возрасте, когда женщина всё и всегда узнаёт первой из достоверных источников под клятву и истинный крест.

– Толик, что я узнала, что узнала!..

– Говори короче, уходи быстрее, Дуняша, – пробурчал Звездочёт.

– Не перебивай. Такая новость, такая новость!.. Лёня, наш-то сосед, из уборной не выходит, поди уж, целый час сидит.

– Вот невидаль. Может, он животом мается? Ты что, время засекала?

– Да у меня часов нет, – возразила старушка Дуняша. – Но сидит долго.

– Пусть себе сидит. Мне-то что? – удивился Анатолий.

– Так к нему милиция приходила, а он всё равно не выходит.

– Набедокурил, наверное, сквальга, вот милиция и пришла.

– Не бедокурил он вовсе. Чернецкого Павла, директора общественного туалета, корову знаешь? Пёстренькая такая.

– Ошалела? – возмутились в Марксишко все мужицкие начала и концы. – Лично не знаком, зачем мне корову знать? Она ж не баба.

– Это не важно. Важно, что её украли, – очень даже весело сообщила Дуняша ехидным голоском.

– Кого украли?

– Корову... рогатую, пёструю.

– Пёструю?

– Пестрее не бывает.

– Где?

– На лужке. Павел оставил её пастись, а пришёл через часок – увели.

– А почему он так рано забеспокоился о ней?

– Жена забеспокоилась, а у него дела... какие-то в уборной... Главное, что через час...

– Может быть, сама ушла? – не верилось Марксишко, что так быстро раскрылась пропажа.

– Куда же она уйдёт?.. Одна?..

– Куда? К быку, наверное.

От подобной неожиданной версии Дуняша вытаращила глаза.

– Вот как бывает... А я-то не додумалась. Ничего, сейчас милиция ходит по дворам да расспрашивает, кто что видел. Пойду и скажу насчёт быка – вдруг премию дадут за догадку. – Дуняша крутнулась на месте с ловкостью гимнастки и лихо засемила прочь, крикнув напоследок: – Если премию дадут, я тебе, Толенька, пачку сигарет куплю.

Стоило собеседнице ретироваться, как Марксишко почти влетел в дом, с такой прытью, похвастаться которой он не мог уже давно.

– Полундра, Иван, сейчас менты будут здесь. Вылезай из шкафа, – дрожа от страха, командовал Анатолий.

Савраскин слышал всё... Обомлев и представив себя в полосатых костюме и шапочке, да ещё на скамейке за решёткой, Иван вывалился из убежища и, закатывая глаза, воскликнул:

– Горе мне! Я так сильно любил свободу!

– Ты какого рожна разлёгся тут? Вставай, нужно мозгами шевелить, – негодовал Марксишко, предчувствуя, что вновь отдуваться будет он один.

– Толечка, пока не поздно, давай выведем корову на улицу...

– Поздно, – оборвал Марксишко. – Следует придумать что-нибудь иное.

– Толя, а затея-то с коровой – твоя. Отпусти меня, пожалуйста, не оставляй двоих малых деток без кормильца, – почти зарыдал Савраскин.

– У тебя малые дети?! – возмутился Звездочёт. – На прошлой неделе я видел старшего твоего с девахой, шли под ручку; а младшенького застукал недавно в магазине, вино покупал... замечу, покупал не одну бутылку, а несколько.

– Что делаешь, балуется иногда молодёжь, – оправдывал Иван сына. – Мозги нынче у неё зелёные, неокрепшие, глупые.

– Тьфу на тебя, червь! Я и без тебя управлюсь, – гремел Анатолий, метая слюну.

Повторять Савраскину не потребовалось. Не успел Марксишко выругаться, как Иван захлопнул калитку со стороны улицы и покатил в сторону своего дома, обгоняя лающих на него дворовых псов. В раздумье Марксишко присел на стул.

– Соображай, соображай... – внушал себе Анатолий.

Внезапно он подскочил и, ринувшись к шкафу, принялся что-то искать. Вернулся Марксишко с листком бумаги и огрызком карандаша.

– Я же говорил, что выкручусь, – выводя каракули на листе, шептал Анатолий.

Через минуту, украдкой, Звездочёт повесил объявление на калитку. Текст сей гласил: «Потерявшего корову прошу обратиться к Анатолию Марксишко. За хлопоты и сознательность приму небольшое вознаграждение».

Вечером, лениво разглядывая в лупу таракана и попутно слушая современную музыку, Марксишко пировал... один. На столе красовались литровочка самогона и банка килек в томатном соусе, робко горела свеча...

А в это время Иван Савраскин с трудом заставлял себя уснуть, чтобы не слышать музыку голодного желудка.

КВАРТИРА №2

Как-то раз, вечером, обитателей квартиры номер два побеспокоил гость. Впрочем, даже почти не гость, а так – гостюшка. Это соседский дворник приплёлся навестить своего коллегу по метле. Он редко бывал у Архипыча, но здесь всегда ему были рады до слёз – особенно после того, как наконец-таки удавалось затворить за ним дверь. Нет, он не буянил, не матерился, приходил всегда с бутылкой... Но в итоге!.. Выпивал три (две в счёт хозяев); а уж сколько съедал! Одних только сухарей миски две. Прорва, кабан ненасытный! А по виду-то не скажешь. Сухонький, низенький, плюгавенький. Как Архипыч, только без усов.

Так вот! Приплёлся коллега и засиделся. Но пришёл, как это ни странно, без бутылки. Хозяйка ёрзала на стуле, намекала: темно, мол, на дворе, время позднее... Нет, непробиваемый, бронезилет, а не гость.

Наконец, к вящей радости собственников квартиры, показалось, что непрошенный тип засобирался восвояси; однако неожиданно затронул наилюбимейшую, но весьма болезненную для Архипыча тему – любовь и преданность к работе, то есть к своему делу.

Ведь обычные темы их бесед были стариковские: маленькая пенсия, взрослые дети, обожаемые внуки, трудности с харчами... Но никак не о работе.

А здесь – на тебе! Пробило!

– Архипыч, что свежего у тебя на участке? Говорят, новую метлу получил, не мешало бы sprysнуть это дело, чтобы инструмент не прохудился. Что для писателя ручка, что для слесаря молоток, то для нас – метёлушка пушистая.

Глаза Архипыча засверкали, как алмазы, и в них отразился хрустальный блеск стакана. Несмотря на необычный взгляд хозяйки, которым она тут же одарила дражайшего супруга, а таким взглядом можно было осчастливиться, если, к примеру, посмотреть на кошку, нечаянно наступив ей на хвост, Архипыч искромётным движением оказался возле шкафчика; и вскоре перед гостем стояла заначка-бутылка с этикеткой самого ядовитого уксуса. В стеклянном пузыре аппетитно мутнела жидкость, купленная между дел в квартире номер десять у гражданина Белуги.

– Николаич, – сиял от счастья Архипыч. – А я забыл про обнову. Честное слово, забыл. Неужели я когда-нибудь зажил лил хоть одну новую вещь обмыть? Вспомни! Ни разу такого не было.

Николаич тактично промолчал, но отметил про себя, что прошлым летом на участок Архипыча привезли два новых мусорных бачка; но в итоге это событие улизнуло не отмеченным как полагается, а посему вскоре бачки бессрочно поржавели и перестали приносить Архипычу первоначальный доход, поскольку уважающие себя жильцы не ленились носить помой и мусор в соседний двор... в красивые бачки, к Николаичу. Как выяснилось, Николаич тоже в это время получил бачки, но, будучи деловитым и предприимчивым, на следующий же день сообразил один из бачков разрисовать сценками из мультфильмов. По правде говоря, не очень преуспел Николаич в изобразительном искусстве, но чтобы было понятно окружающим, он подписал каждый персонаж, дабы не перепутали Пятачка с котом Леопольдом; второй же бачок, долго не думая, подписал: «Спартак – чемпион!» – чем обеспечил популярность бачка в прошлом сезоне, когда команда достигла пика популярности. И тут же возле бачка стали тусоваться ярые сторонники спартачей. Пили, закусывали и спорили до утра, восхваляя тренера. И в нынешнем сезоне сей металлический ящик не утратил своей славы. Несмотря на то, что команда чередовала поражения и ничьи, преданные фанаты приходили к мусорному бачку на поклонение, как к памятнику былых заслуг, с ностальгией и слезами взирали на неактуальный лозунг, вновь пили, вновь закусывали, вновь спорили до утра, безжалостно утюжа тренера.

Тем не менее, как в прошлом, так и в нынешнем чемпионате, бачок по-прежнему приносит прибыль Николаичу, окупая его праведный труд дворника...

К слову сказать, Николаич свято хранил свой главный капитал: проницательность и предприимчивость.

– Да-а! Ты всегда отличался особым расположением ко мне, никогда не жался, если вопрос ставился ребром: пить или не пить? – поддержал он коллегу, при виде поставленной бутылки (третьей за сегодняшний вечер). Правда, совестно ему стало, потому что сам-то он не проставился Архипычу за бачки; а ведь, после дня художеств на бачках, всю неделю обмывал их, обмывал, обмывал... один, без лишнего содействия.

– Вот я и говорю: дороже дружбы, нет ничего на свете более святого. Так выпьем же за новую метлу! Пусть её черенок никогда не сломается, пусть прутья остаются длинными, гибкими, не обдираются и не лысеют. Пусть новая метла принесёт чистоту двора, сверкающий асфальт, лучезарные бордюры и... – Архипыч хотел сказать что-то насчёт зелени газонов, но передумал, заметив про себя, что это будет ущербным для тоста, неправдивым и чересчур вычурным, ибо напротив сидел коллега – профессионал. – Вздрогнем за метлу!

Отличный тост вкупе с благодарностью за деятельность в сфере дворовой чистоты Николаич встретил бурной признательностью, завёлся длительными, продолжительными аплодисментами, во время которых Архипыч, не теряя времени зря, налил каждому по полстакана.

Коллеги почтительно, стоя выпили за новое орудие труда, чем вызвали гибель очередной тысячи нервных клеток доброжелательной хозяйки, не оценившей по достоинству блестящую умом речь супруга.

– Вот-вот, – завёлся Архипыч, усаживая гостя, ставшего вдруг родным и близким всему его существу, – а говорят, кивают на меня: дворник, дворник... Но, мягко заострю внимание, я ведь еще и директор двора; а разница между мной и другими директорами совсем небольшая. Далеко ходить за сравнением не надо – сравнение живёт в соседнем доме; правда, я в однокомнатной квартире на первом этаже, а оно, сравнение-то, на втором – в двух квартирах одновременно. Я как бы неофициальный директор двора в Большом Совке, а оно – директор ООО «Русский Пролёт» господин Впескоструйкин Владимир Исаевич. У меня в подвале свой кабинет есть, на двери которого даже красуется буква «Д». У тебя, Николаич, что приходит на ум, когда на двери кабинета видишь букву «Д»?

– Д? – вскинул брови ушлый дворник, но догадку воздержался озвучивать, улавливая в вопросе некий подвох.

– Правильно – директор, – входил Архипыч в азарт разговора, тут же налил по новой дозе, и со словами: «За метлу – орудие чистоты на службе рабочих и крестьян!» – выпил.

– Гениально! – восхищённо воскликнул Николаич.

Тем временем неугомонный Архипыч продолжил:

– У нашего господина Впескоструйкина тоже кабинетик имеется, а разница только в том, что размером этот кабинетик аккурат в подвальное помещение всего дома приходится. Кстати, мы с Впескоструйкиным знакомы с детства, и в те голозадые годы имели много общего. Шалуны мы были... Помню, Как-то раз бывший дворник, а я ведь еще мальчишкой в то время был и только приглядывался к метле, взялся поливать цветы на клумбе. Поливает он, поливает, никого не трогает; а нам очень побаловаться возжелалось – просто жуть. Я подкрался к кранику и перекрыл воду. Дворник глядь – воды нет. Он в шланг посмотрел – вода не появляется. И тогда взялся зачем-то дуть туда. Впескоструйкин возьми (скумекал, надо признать, быстро) да помочись в шланг-то. Ох, и плевался дворник наш, ох и гонялся за мной, потому что Впескоструйкин вовремя смылся и был к тому же сыном адвоката. А отыгрался дворник на мне, на моих родителях, предоставив им в баночке вещественное доказательство. Я отнекивался, мол, давайте экспертизу проведём, мол, нет такого положения – детей наказывать за то, что они помочились в несоответствующем месте... Но не тут-то было, – сокрушённо покачал седой

головой Архипыч, продолжая: – Устроили мне не экспертизу, а самую настоящую экзекуцию. Мой батяня сказал: «Найду я такое положение». И нашёл: меж своих ног... взял головку... мою... зажал коленями... и долго – долго пришлось мне просить пощады под свист ремешка.

Скупая, замутившаяся, старческая слеза скатилась по небритой щеке Архипыча; Николаич же, изрядно накачанный самогоном, выпучивая глаза, глупо глядел на коллегу и никак не мог представить сидящего напротив старика, зажатого между коленей отца, громко рыдающего и просящего пощады. А ещё весьма его удивляло: неужели у отца в это время не кололись колени о толстую и густую щетину Архипыча.

Но мужеству и стойкости Николаича можно было позавидовать. Когда содержимое четвёртой бутылки пошло на стремительное убывание, а хозяйка удалилась в опочивальню глядеть прекрасные сны, он по – прежнему, силясь как мог, слушал душевные излияния Архипыча.

– Теперь мы с Впескоструйкиным подросли, но много общего у нас осталось, – бубнил Архипыч, запинаясь и смотря как бы сквозь собеседника. – Например, он как директор «Русского Пролёта» встаёт в пять часов утра, и я как директор двора от него не отстаю: в пять, как штык. Есть, конечно, и небольшие отличия. Впескоструйкин имеет «БМВ». Машина, то есть тачка, – блеснул он глубоким знанием современного русского языка, – я тебе скажу, Николаич, огромная: белая, блестит, длиной метров десять – не меньше. Этот «БМВ», говорят, подарили ему, а Впескоструйкин передарил его своей жене. Признаюсь, я слегка отстаю от своего друга детства. Но зато и у меня транспорт тоже на три буквы: Х... В... З... Харьковский велосипедный завод.

– М-м... – тужился Николаич выдавить из себя хоть что-то ответное и грандиозное.

– Не утруждай себя, друг, – остановил его Архипович. – Да, у меня не машина, а велосипед. Но достался мне «ХВЗ» так же, как и «БМВ» Впескоструйкину, на халяву. Как-то утром встаю, выхожу на обход своей территории. Глядь! Велосипед стоит – бесхозный. Вначале всё я сделал по правилам: взял этот транспорт, завёл его к себе в гараж, тот, что в подвале находится, возле моего кабинета. Ждал дня три – думаю, кто-нибудь подойдёт, поинтересуется пропажей. Нет, никто не справлялся. Правда, на второй день приплёлся какой-то подозрительный тип: умаявшийся (шибко ветром его качало), с бутылкой водки в авоське, всех спрашивал про «ровор двухколёсный», потерявшийся у него. Я услышал расспросы этого чудака, но не решился выдать велосипед – не было существенных доказательств: мужик говорил, что «взял ровор на пару дней», но сам не помнил, какого цвета был этот самый ровор. Букву закона я усвоил. Ну а как три дня прошло, я, на правах нового хозяина, сделал велосипеду капремонт: удлинил багажник, так, что ровор стал восемь метров в длину, перекрасил в белый цвет (всё, как у Впескоструйкина). А теперь вот еду на этом транспортном средстве в магазин за... гм... Одним словом, после магазина я сам за собой велосипед волоку.

– М-м... – вновь Николаич подал голос.

– Не шуми, друг, не надо лишних слов. Дай порассказать. В общем, я задумал подарить «ХВЗ» своей жене: всё равно ездить сама не будет, да и не сможет, потому как с клюкой не расстается; а я, глядишь, старушку свою иногда за пенсией подвезу на восьмом багажнике сзади... А вот насчёт денег у нас с Впескоструйкиным ещё больше общего: он получает пенсию, и я тоже; он зарабатывает, и я тоже. Ты, Николаич, наверняка думаешь, что у него «левые» деньги есть, а у меня нет. Напрасно. И я имею такие материальные возможности поднять планку благосостояния своей семьи...

– М-м?... – выпучив глаза, всунул Николаич жидкую реплику.

– Что-то слишком ты словоохотливым стал за последний час, уважаемый мой коллега. Потерпи... на чём это я остановился? Ах, насчёт «левых»! Да, я сам! Сам! Зарабатываю «левые»: бутылки по утрам собираю, сдаю в аренду стакан утрене или вечерне страждущим, а они затем расплачиваются со мной пустой тарой... И не только, замечу, арендой промышляю, но и закусочкой иногда балую, ведь под моим началом мусорные бачки стоят... Ра-бо-та-ют!!!

Порой смотрю, кто-то выбрасывает сухарик. Я же подбираю его, напильничком подчищаю, и он, как новенький, остаётся лишь камушком по сухарику брякнуть и под это дело... то есть под бутылочку... крошечки в рот. Чем не закуска?! А бывало, что или кусочком «ржавенького» салца потчую, или даже мятый солёный огурчик подкидываю алканавтам, то бишь алкашам. Однако такие царские закуски идут за отдельную... повышенную плату... Да-а... например, за пачку сигарет. Правда, колбаску нынче выбрасывают редко, только после праздников, но зато уже нарезанную... впрочем, этого добра хватает только для моей семьи... А у тебя, Николаич, как дела на участке?

– М-м... – силится ответить Николаич, но в этот раз прикрывая глаза и рот.

– Короче, с мусорным бачком я оказался более предпри... мри... одним словом – изобретательнее любого молодого бритого бугая или этого зализанного старого мерина Впескоструйкина на его драном «БМВ» и с цепью на волосатой груди. А вообще, мусорка – это особое местечко, доходное, но О-очень препахучее... И доказывает, что на белом свете есть зоны, где прибыль и запах не только тесно соседствуют, но очень даже взаимосвязаны. К примеру, бумагу для повседневной нужды носит с собой не каждый, но деньжата почти у всех имеются, пусть и небольшие в номинале. А ведь в темноте при слабом освещении, кто разглядит, какую купюру использует, торопливо притаившись за бачком?... Два раза, не скрою, даже доллары попадались. Но мне по барабану... Рубль, два, доллар... в каком они виде, кто их пользователь. Деньги не пахнут – я в этом убедился, особенно после того, как их прополоскал в водичке с порошком от моей соседки тёти Аси... У нас, знаешь, в знакомстве имеются две необычные женские особи – вечно улыбаются, рады чему-то, жизни, наверное. Одна из них каждый день бегаёт со стиральным порошком по соседям и стирает сама... бесплатно. А другая... несётся вслед драить унитаза. «Кометой», в общем, хренью какой-то чистит... за просто так! Хорошо, но больно...

– М-м... – в очередной раз Николаич пытался открыть рот, но...

– Нет, не им больно – их вылечат! – мне смотреть на них больно... А вот ещё я говорил насчёт цепей на шеях нынешних братанов, то есть директоров. Да ведь у меня тоже подобная вещица имеется: я снял её в туалете с бачка, покрасил жёлтой краской, которая осталась после ремонта туалета возле Дома Культуры. Так она, цепь-то, ещё, пожалуй, потяжелее будет, чем те, что на шеях бритоголовых бизнесменов болтаются. Плюс ко всему, знакомый наш общий, сварщик Иван Савраскин, сварганил мне крест – кило на три тянет... Кстати, Николаич, ты примечал, как директоров называют?

– М-м... – усложнял себе дыхание коллега по работе.

– Правильно, как и меня мои жильцы – по имени-отчеству. Вот только различие в чём: директоров называют таким образом... в глаза; а между собой норовят «собакой» обозвать, «свиньёй» и, особо обидно, когда женщины кличут – «боровом». Можно подумать, что исключительно деревенская живность сидит в кабинетах. А для меня самое обидное услышать – просто Архипыч. Или же от детей – «хипарь» (это после того, как начал носить свою цепь с крестом, а также кепку «Босс») ... Кто такой хипарь – не знаю. Но что в зверинце хипарь не живёт – это точно. Сам проверял. Может, что-то красивое? Или кто-то?..

– М-м... – видимо, возражал Николаевич.

– Ну, это мы ещё удостоверим... А вообще, если, кроме жильцов, взять всех собак, котов, крыс, которые меня боятся, то я сойду не только за директора, но и за президента огромного объединения... Короче, друг Николаич, моя работа ответственная, хлопот много. Да что уж тут жаловаться! У всех проблемы. Сестра моя, в аптеке она работает, тоже сетует: «Скоро праздники, опять очереди будут большие. До праздников очереди за презервативами, а после – молодёжь бежит за тестами на беременность, а кто постарше – за слабительными средствами».

– За метлу-у, – наконец вымучил Николаич и, глядя на него, можно было подумать, что он крайне удивлён такому событию.

– Выпить хочешь? – спохватился Архипыч, безотлагательно наливая по сто пятьдесят. Слегка взбодрившийся Николаич подтвердил догадливость друга волевым движением головы:

– Да! За метлу!

– Нет-нет, за метлу пили, – воспротивился Архипыч. – Давай другой тост.

– Выпьем! – поднимая высоко стакан, крикнул Николаич и собрался осушить посудинку, но не тут-то было.

– Э-э, не-ет. Очень просто, я даже сказал бы – сухо. Давай новый.

– Вмажем!

– Не обижай, друг.

– Вздрогнем! – не задумываясь, попытался исправиться коллега.

– Старо, как мир.

– Накатим по одной!

– Зря. Я собираюсь не по одной, ещё не глубокая ночь.

– Пропустим!

– Не пойдёт, девочек нет.

– Вье...

– Нет-нет, без пошлостей, пожалуйста. Мы культурные люди, культурно проводим досуг. Зачем, чтобы завтра соседи на меня пальцем тыкали?.. Они изо всех щелей услышат.

– Наступим на стакан!

– Уже теплее, Николаич. Ещё поднапряги свои мощные прямые извилины.

– Будем!

– Опять за старое?

– Дёрнем!

– Фу-у! – укоризненно качал Архипыч головой.

– Поехали!

– Да-а-а. Ты уже докатился.

– За здоровье ваше, а в горло наше! – выдал Николаич монолог.

– Это скупердяйство какое-то, – возмутился Архипыч.

– За успех! – тщился Николаич творить нечто оригинальное, но безуспешно.

– В труде? – иронично заметил Архипыч.

– Ключнем!

– Речь алкаша, не иначе. Ты скажи ещё тяпнем, хлопнем, хлебнём, дерябнем... дербализнем, в конце концов.

– За счастье!

– Дурень, счастье-то у тебя в руке, ты его греешь, но никак не выпьешь. Какое ещё тебе надобно счастье в наши года? Скажи ты что-нибудь человеческое!

– За баб!.. Архипыч, – взмолился Николаич, – у меня скоро водка закипит в стакане. За баб!!!

– Ну, наконец-то что-то путёвое услышал. Пьём! За баб!

Едва последние капли проскользнули из стаканов в желудки коллег-собутельников, как на пороге кухни появилась заспанная и взъерошенная супруга Архипыча.

На лице её несложно было прочитать крайнее возмущение.

– Сейчас... сейчас я с вами и за баб, и за метлу поквитаюсь, полуночники!

Быстро оказавшаяся в ладони прочная, выдавшая виды чугунная сковородка сталинских времён указывала, что для шуток места больше не оставалось.

Успев шустренько выпить, и тут же окончательно протрезветь, Николаич не стал дожидаться развёртывания боевых дальнейших действий, и через пару секунд стук его башмаков слышался уже в подъезде.

Оставшись наедине с супругой, Архипыч не бросился в бегство, а застенчиво (то есть, держась за стенку) заштормил мимо жёнушки.

– Главное, многоуважаемая и дорогая моя – это спокойствие. Правду я говорю, ненаглядная? – ласково проблеял он.

– Ты только не вздумай дойти и лечь возле меня, прилежный мой, – «ненаглядная» скрипнула последними шестью зубами и резким властным движением полководца указала Архипычу на входную дверь: – На коврик, марш на коврик!

– Иду, красавица моя бл... блондинистая, – не возроптал мужичок, но к коврику не направился, ибо лёгкий крен изменил курс дворника в зал. Однако и до него он, к вящему удовольствию жены, добраться не успел, поскольку по пути обмяк и завалился.

Мирно засыпая, ему мерещилось, что плывёт он по Тихому океану, а его всё крутит и бросает туда-сюда, а злобные буревестники бьют мощными клювами по его несчастной голове, да так и норовят, изверги пернатые, прямо в глаз попасть... в самый хрусталик.

Проснувшись, к своему удивлению Архипыч обнаружил, что не было вовсе ни океана, ни буревестников... А были лишь свежеобмоченный ковёр и дьявольски твёрдый выступ тумбочки, упёршийся в череп дворника.

* * *

Внуков Архипыч любил; но так как своих не имелось, как, впрочем, не было и детей, по этой самой причине любой голопузик вызывал в нём слёзы умиления и непритворную радость. Даже когда по долгу службы ему приходилось, превышая всяческие полномочия, пинать дырявым резиновым сапогом какого-нибудь малолетнего охламона за то, что тот изобразил три всем известные буквы на асфальте возле лежащего шланга... или же когда вынужден был гонять метлой низкорослого и мизеровозрастного хулиганчика за описанные из вредности лестницы (а может, такое безобразие происходило из-за элементарного отсутствия общественного туалета) – всегда чрезвычайно тяжело давались Архипычу эти бесстыдные преступные действия, и потому всякий раз сердце обливалось слегка взбудораженной и обеззараженной после магазина кровушкой. Ему было жаль глупышей, но иначе он поступить не мог – не позволяли ни возраст, ни хилые нервы, ни общественная сознательность в его лице.

Но в этот раз Архипычу пришлось столкнуться нос к носу (и очень тесно) с младенческой несмышлёностью и полным отсутствием в ребёнке такого понятия, как авторитет дворника.

С утра, едва Архипыч произвёл осмотр мусорных баков и приготовился подмести вверенную ему территорию, как вдруг решил предварительно отправиться на своём ХВЗ в ближайший магазин. Однако внезапно к дворнику подлетела соседка из девятой квартиры, чем-то явно обеспокоенная, но, правду сказать, весьма сногшибательная матрона. (Один только её взгляд шибал окружающих в пот, не говоря уж о массивном скульптурном ансамбле могучего тела истинно русской женщины по имени Марфа, своим видом и величиим сваливающей мужчин с ног).

– Архипыч, выручай! – всюю заголосила Марфа Виолетовна при виде дворника, что, надо отметить, крайне его удивило.

Архипыч, сколько себя помнил (а трезвым был он довольно часто, почти каждое раннее утро), доселе никогда не слышал причитаний грузной Марфы Виолетовны, разве что дикий рык, которым она одаривала супруга, когда дружки приносили того с работы, компактно укладывали у двери, нажимали кнопку звонка и убегали (кто мог, и как мог).

– Я прошу, чтобы мне эти дрова больше не таскали! – говорила или орала гром-баба вдогонку улепётывающим мужниным товарищам.

«Дрова», в лице Никодима Степурко, всегда лежали возле порога к моменту открытия дверей и служили заслоном к победному отступлению приятелей. А преграда-то для грандиозной Марфы Виолетовны, казалось, была что надо! Но... очень быстро бывший борец

и физкультурник – активист становился зачехленным телом, головой и душой и превратившимся из могучего атланта в бесформенную тушу...

Впрочем, о дружной семейке потом. А теперь...

– Архипыч, только ты...

– Что случилось, Марфа Виолетовна? Что стряслось, красавица?

– Необходима твоя экстренная помощь, Архипыч.

– Всегда рад помочь тебе, радость наша могучая.

– Помоги, голубчик, миленький...

Голубчик скромно потупил взгляд в землю и промолвил:

– Я рад всегда... что в моих силах, пока они еще есть.

– Нужно с внучкой посидеть, Архипыч. Часика два, не больше.

– Мне? – Искреннее недоумение мгновенно прочиталось на его преобразившейся и буквально на глазах помолодевшей физиономии.

– Ну я ж к тебе, а не к кому-нибудь обращаюсь, – сказала Марфа Виолетовна таким тоном, что дворник съёжился; но почуяв это, она вовремя опомнилась и продолжила слащавым прежним голоском: – Да ты не бойся её, Архипыч, внучке всего годик от рождения.

– Её-то я не боюсь...

– Прекрасно! – сотрясла воздух соседка так, что у дворника вновь отчего-то внутри похолодело.

– Прекрасное-то оно всегда прекрасно... – пытался он что-то лопотать.

– Вот я и говорю. Не больше трёх часов в общении с прекрасным дитём станет чудесным времяпровождением для тебя и оставит множество самых неизгладимых впечатлений.

– Неизгладимых? Где?

– То есть как где? В душе! В мозгах твоих х... хороших, – заскрежетала Марфа Виолетовна, и Архипыч поглядел на небо: не грозовая ли туча забрела ненароком.

– Согласен, посижу, наверное, с вашей внучечкой, – не успел обречённо промолвить он, как тут же его душевные шатания были пресечены жутким взглядом оскалившейся в улыбочке соседки.

– Значит так, сейчас ты, Архипыч, идёшь домой, а я через пятнадцать минут принесу к тебе нашего ангелочка, – молвила Марфа Виолетовна и внезапно захохотала так, что дворнику вспомнилось его счастливое детство, проведённое в колхозной конюшне.

Безотказному директору двора ничего не оставалось делать, как направить свои смиренные стопы домой и ожидать явления «ангелочка».

Действительно, вскоре, даже не постучавшись, в квартиру Архипыча вихрем вторглась Марфа Виолетовна с карапузом на руках.

– А вот наша крошка. Мы решили доверить вам наше сокровище на часика четыре, дольше не дадим. Затем мы заберём наше чудовищно привлекательное создание обратно. Надеюсь, вы вернёте нам внучку в целости и сохранности, а мы за это отблагодарим, как полагается. – Все слова женщина произнесла очень громко, но, как ни странно, это никоим образом не отразилось на спящей девочке.

Мужчина принял трясущимися руками драгоценный груз и перенёс его в спальню, где благополучно опустил на кровать.

– Не забудь, Архипыч, наше чудо надо покормить, когда оно проснётся. Ты уж хотя бы молочка дай внученьке, – напутствовала старика заботливая молодая бабуля.

«Хотя бы молочка, – с неприязнью подумал дворник. – Может, она решила, что мы со старухой такие бедные, что не в состоянии достойно угостить девчушку...»

Мысли новоявленного няня прервались хлопком входной двери. Таким образом Марфа Виолетовна благодарно покинула квартиру.

Целый час приёмная внучка Архипыча мирно спала и ничем его не беспокоила. Сам же дворник весь этот спокойный промежуток времени безотлучно провёл возле прекрасного чада, с умилением разглядывая абрикосовые щёчки и малиновые губки девочки, носик – картофелинку и, словно перевязанные невидимыми ниточками, пухленькие, будто поролоновые, ручки чудесного дитяти.

Но сон не вечен... Обычный, человеческий, детский, любой, он прекращается...

Вначале встрепенулась голова ребёнка, вследствие чего ангельское личико резко побаргровело от искажающих движений и стало вдруг схоже на мочёное яблоко; а затем истощный и высокий по ноте рёв разрядил затхлый воздух в квартире Архипыча, привёл в содрогание стены, и вверх в полное замешательство самого хозяина. Такого крика спальня одиноких стариков не слыхала еще со времён первой закладки кирпича, да и то... Даже матерные сиренные ругательства дражайшей супруги никак не дотягивали по децибелам в сравнении с воплем малышки.

Архипыч был слегка шокирован, однако быстро пришёл в себя и начал осмысливать сложившуюся ситуацию, пытаясь найти дальнейшие верные действия по её исправлению.

Да разве он не дворник?! Разве не умудренный опытом человек, неужели не мужчина?!

Давно замечено, что в критические мгновения рождаются наиболее ценные решения и верные ходы.

«Покормить!..» – выдала одна из извилин Архиповича талантливую мысль.

Дворник сорвался с места, чтобы бежать в кухню, но...

«Переодеть!.. Конечно, в первую очередь нужно переодеть!» – блеснула гениальностью другая извилина.

– Бабушка, называется, даже запасных памперсов не принесла! – вслух выругался старик, бросая камушек в огород Марфы Виолетовны.

Да-да, так и выругался, применяя слово «памперс», потому что, хотя не имел внуков, слыл продвинутым стариканом и в современных новшествах неплохо разбирался.

«Продвинутый старче!» – сам себя похвалил он.

Если бы Марфа Виолетовна находилась рядом, то из ушата нецензурной грязи, словесно выливаемой Архипычем в течение пяти минут в сторону грозной соседки, она могла бы много почерпнуть информации о себе, а иногда даже удивиться, узнав некоторые детали её личной жизни, а также жизни её дальних и не очень дальних родственников.

Одним словом – хватило всем... Хватило и ей на «пряники». Однако, к счастью, в этот момент её по близости не было, поэтому развеять слухи, узнать факты, культурно и интеллигентно возразить Архипычу, дабы уточнить, и, в свою очередь, внести определённую ясность по поводу также и его родни, естественно, она не могла...

Кажется, отвлеклись...

Поохав, поохав, похулив, Архипыч с энтузиазмом взялся исправлять оплошность Марфы Виолетовны, применяя ноу-хау (новые технологии от умудрённого под воздействием времени и опыта старческого мозга, который за многие десятилетия научился выдавать ещё не такое!) ... Подумаешь, памперс!..

Опытный мозг, за годы не растворившийся в водке, не сгоревший от перца чили и белой горячки, закаленный почти ежедневными испытаниями трубными речёвками старухи (типа: алкоголик – старый хроник), начал активно функционировать, напрягаться.

Сняв использованный памперс и даже не поморщившись, ибо при работе дворника занюханый возрастной нос вдыхал ещё не такое, Архипыч отыскал целлофановый пакет, вырезал в нём две дырки для ног и напялил гениальное приспособление на малышку. Свободное пространство в пакете он забил ватой, изрядно залежавшейся на личной полке супруги.

Надо отметить, ребёнку подобное искусно выполненное, добротное и мягкое изобретение, по-видимому, пришлось по нраву. Девочка затихла, устремляя выразительный пытливый

взгляд на няня. В таком молчаливом внимании, с любопытством изучая друг друга, они провели минут пятнадцать.

Архипыч тихо торжествовал победу. Душа ликовала.

Первой нарушил тишину, безусловно, ангелочек. Совершенно неожиданно, без всякого предупреждения, как и подобает в её слюнливом возрасте.

Но Архипыч и здесь не растерялся, не бросился в панику. Не он ли достаточно прожил на белом свете, чтобы здраво и быстро выходить из, казалось бы, вовсе тупиковых ситуаций?! Не он ли один из мудрейших дворников города?! Естественно, именно он обязан проявить смекалку при любых непростых, даже безвыходных, обстоятельствах. А обстоятельства чего-то требовали...

– Что раскричалась?.. – начал было унимать Архипыч; но запнулся, так как выяснилось, что он не поинтересовался, как же зовут малышку.

Рёв продолжался, постепенно усиливая тембр.

– Эх, бабушкой называется, – укорял Архипыч Марфу Виолетовну. – Не удосужилась даже сообщить имя внучки. Как же мне теперь её называть?

Перебирая в памяти все девичьи имена, он решил остановиться на исконно русском – Варвара.

– Варварушка, внученька, что же ты плачешь, маленькая?

По причине своего почти пелёночного возраста Варварушка, естественно, ничего не сумела ответить дедушке, продолжая упорным плачем расшатывать стены квартиры.

После длительных увещаний, в ходе которых выяснилось, что девочка оказалась «малюточкой», «красотуленькой», «пупсиком», «ненаглядненькой», «козой», «заразой», «несмышлёнышем», «сволочью», «комком дерьма», «девкой подзаборной», Архипыч вскоре усомнился в своей порядочности и умении логически мыслить. Казалось, пройдёт ещё минута, и терпению придёт окончательный каюк.

– Ах, малышня голозадая, долго ты собираешься мучить меня? – отчаянно взвыл нянь, вытирая набежавшую слезу. – Где твоя совесть, замухрышка?

Совесть замухрышки, наверное, спала, ибо не откликнулась.

– Не замолчишь, придушу, подлюка окороковая, – погрозил рассвирепевший дедуля, но неожиданно просиял.

«Эх, юное создание с маленьким мозжечком, напрасно ты испытываешь мои нервы. Мой ум и моя находчивость – неисчерпаемы! Клондайк мыслей!» – взбодрился он, припомнив первоначальное желание, и выпалил вслух:

– Я знаю, что ты хочешь, маленький изверг. Ты хочешь кушать.

Не теряя времени, Архипыч метнулся в кухню.

Вскоре Варварушка сидела, подпёртая двумя подушками, по-прежнему нестерпимо кричащая; а перед ней, на кровати, стоял поднос с яствами, принесенные заботливым дедушкой. О! Чего здесь только не было!..

– Варварушка, посмотри, родимая, что я приволок тебе... Перестань плакать, телушечка безрогая. Советую взглянуть на то, что я принёс. Некоторые продукты я, можно сказать, от сердца отрываю. Вот, пожалуйста, в тарелочке творожок, что моя старуха намедни не дождала. Не хочешь? Нет вопросов, тогда могу угостить картошечкой с селёдочкой, которую утром я не утрамбовал. И это не по нутру? Ха-ха, тогда пельмешки в твоём распоряжении. Ничего страшного, что они малёк великоваты для твоего рта. Я их сам разжую, и твоя природная беззубость не будет нам помехой!..

Но нет, увы, все угощения, похоже, никак не соблазнили дитя. Варварушка, от чудных запахов незнакомых блюд и полной несостоятельности их испробовать, продолжала яростно сотрясать стены.

Но неожиданно рёв прекратился.

– А-а-а-а, наконец-то, Варвара, тебе что-то приглянулось... ну, солнышко, покажи дедушке пальчиком, что бы такого дать тебе пожевать, – обрадовался Архипыч и взял из одной тарелки ложку солёных грибов. – Грибочков желаешь?.. Нет? Тогда колбаски?.. копчёной?.. Что же ты киваешь головой? Или всего хочешь, или, наоборот, до полюбившейся еды ещё не добрались? О-о, кажется, твои глазки – маленькие, жадненькие – остановились на зельце. Ещё бы, губа – не дура. Посмотри, какой зельц жирный. Здесь много сала и прочих полезных и незаменимых для растущего организма веществ из числа субпродуктов. Немного печёночки, чуть почечек с запашком... и что-то ещё розоватенькое. Наверное, кусочек вымя... Нет, не вымя, а хрен какой-то... О-о, какой же зельц полезный, на вкус нежный, только что с морозильника, не успел задохнуться... тает во рту. – Архипыч отрезал кусок продукта и с наслаждением забросил его в рот. – А главное – Какая удача, словно по твоему, внученька, заказу, вовсе не встречаются хрящи и косточки... Ах!!! – взвизгнул дворник и выплюнул на ладонь попавшуюся на зуб косточку; затем, пристально разглядев, кинул её на пол. – Надо же, а я думал, что зубу конец... впрочем, не будем отвлекаться, Варварушка, сейчас и тебе отрежу... Тебе, как себе, больше с жирком? Сейчас только щетину ножичком соскоблю. Представляешь, Варварушка, покупаю зельц – ни шерстинки не вижу. Однако едва оттаёт, сразу на мой подбородок похожим становится. Точно как после недельной небритости. Ничего страшного, сейчас я подбрею эту вкуснятину.

После недолгих манипуляций щетина в зельце была выщипана пальцами, а часть чуда – продукта вложена в беззубый рот малышки.

Однако старика ждало разочарование: то ли лакомство оказалось несвежим, то ли не по вкусу пришлось, но через минуту малышка выплюнула кусок зельца и издала такой оглушительный вопль, что бедолаге-няньке пришлось заткнуть уши ватой.

Но дедуля по-прежнему не отчаивался. Вспоминая своё ущемлённое во всём детство, он пошёл на хитрость: взял ломоть хлеба, пожевал его, а затем полученную кашицу не с первой, но со второй попытки загнал очаровательному, но беспокойному ребёнку в открытый от рёва рот...

О, радость! Вот она – победа! Подвигав посиневшими от усердия губёнками, Варварушка сдалась и проглотила массу.

В восторге от обретенной победы Архипыч бросился в пляс, чем обратил повышенное внимание девочки. Удивлёнными заинтересованными глазёнками она взирала на молодецкие па в исполнении дедушки. И дворник, вдохновляемый безмолвной поддержкой Варварушки, ещё яростнее пронёсся перед ней вприсядку, потом ещё и ещё нарезал круги в зажигательном разудалом танце, затем снова... пока, наконец, изумление и любопытство юной почитательницы его творческого таланта полностью не иссякли.

И тогда... она вновь заревела!

Но вдохновлённого Архипыча было уже не унять. Сообразив, что вверенный ему человек не является профаном в области искусства, он решил продолжить концерт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.